

НАШИ ПРЕДКИ БЫЛИ УМНЕЕ (МИХОЭЛС И УТЕСОВ)

Есть ли необходимость представлять сегодняшнему читателю эти имена?

Первое из них на всякий случай представлю: Соломон Михайлович Михоэлс, — народный артист СССР, лауреат Сталинской премии, видный общественный деятель, депутат Моссовета, а главное — режиссер, замечательный актер, создавший на сцене образы героев Менделеева, Шолом-Алейхема, Шекспира. Михоэлс был признанным лидером советских евреев. Люди вверяли ему свои радости и горе, он был для своего народа символом веры и надежды.

Вера и надежда погибла вместе с ним в Минске в ночь с 12 на 13 января 1948 года... В ту ночь убили Михоэлса и вместе с ним была расстреляна, растоптана культура многих и многих людей. Сейчас делаются попытки возродить что-то... Как принято говорить в таких случаях «Дай бог удачи»... А в этой заметке мне хочется рассказать о дружбе двух замечательных деятелей советской культуры — о Михоэлсе и Утесове.

Летом 1970 года я собрался поехать в Одессу. Сказал об этом Анастасии Павловне Потоцкой — вдове С. М. Михоэлса.

— Как я завидую вам, Марк! Если бы вы знали, как любил Одессу Соломон Михайлович, как любили ее мы вместе. Когда после спектаклей мы медленно гуляли по Одессе (иногда прогулки длились до утра — Михоэлс обожал ночную Одессу, а Пушкинскую улицу особенно!), он останавливался у каждого дома и любовался им, часто повторяя: «Не могу понять, как я не родился в этом городе? Это ошибка».

И еще, Марк, навестите обязательно писателя Имре Друккера, Соломон Михайлович бывал у него, когда приезжал в Одессу.

И. Друккер назначил мне встречу на «Фонтанке» (место на площади Советской Армии, бывшей Соборной, где собирались болельщики «Черноморца»). «Если вы действительно еще одессит, то всю Одессу увидите там», — шутя сказал он мне по телефону. Мы долго беседовали с ним о Соломоне Михайловиче, о гастрольях ГОСЕТа в Одессе (одесситы очень любили этот театр, и коллектив его гастролировал в Одессе в здании знаменитого оперного театра почти каждый сезон). Вдруг, не договорив фразы, Друккер резко встал: пожаловавшись на давление, он спешно попрощался со мной и ушел, тихо шепча одно слово: «Малхемувес... малхемувес...» (ангел смерти — М. Г.). Я не успел опомниться, как увидел, что к лавке, на которой я сидел, семенящей походкой приближается огромный человек — «колобок» на двух коротеньких ножках. «Колобок» подошел ко мне и спросил:

— Он снова убежал?... Скоро в городе не с кем будет перебраться двумя словами. Посмотрите на эту толпу. Спросите их: кто-то из них помнит о чем-то, кроме голов во вчерашнем матче? Поверьте мне, они даже не узнают в лицо своих собственных детей.

Скажите, вы знаете Друккера или случайно подсели к интеллигентному человеку?

Я рассказал «колобку» о нашей с Друккером беседе. Он оживился, обрадовался и сказал:

— Меня зовут Исаак Вольфович. Я назван в честь моего прадеда Ицхока Рабиновича, которого герцог де Ришелье еще в 1815 году лично пригласил стать раввином в Одессе. Мой дед был хасидом, то есть очень добропорядочным человеком. Если вы серьезно занимаетесь Михоэлсом, то должны знать, что его дед — Мойер Вовси — был почтеннейшим хасидом своего времени. Он вел переписку с моим дедом.

Словом, больше, чем я, в Одессе о Михоэлсе вам никто не расскажет.

Я скептически улыбнулся — сколько людей говорили мне эти или похожие слова! Но...

— В 1925 году — у нас снимали фильм «Еврейское счастье», — продолжил рассказ И. В. — Вся Одесса хотела попасть в кадр, чтобы увидеть себя в иллюзии. Я один наводил порядок во время съемок. Михоэлс говорил своему лысому начальнику: «Пока с нами Исаак, милиция нам не нужна». Поверьте мне, я работал как 10 милиционеров, 10 дружинников, о которых мы тогда понятия не имели, не справились бы так, как я один...

Исаак Вольфович говорил так много и так долго, что я понял, почему Друккер произнес слово «малхемувес». Но один случай, рассказанный им, запомнился мне. Я рассказал о нем Анастасии Павловне, и она подтвердила достоверность этого рассказа.

Популярность Михоэлса в Одессе была такой, что она вызывала «ревность» Утесова. Летом, кажется, в 1932 году, Утесов и Михоэлс были в Одессе одновременно. На одном из спектаклей Утесов передал Михоэлсу записку: «Соломон, ты покори Париж, Вену, Берлин, Прагу. Одессу оставь мне. В случае отказа встречаемся на рапирах в субботу вечером у Дюка. Не целую. Утесов». Михоэлс в это время играл на сцене, и записку Исаак Вольфович отдал Зускину (известно, об этом писали многие, что Михоэлс и Зускин играли всю жизнь, даже вне сцены). Зускин прочел записку, улыбнулся и через две-три минуты принес «ответ» Михоэлса, который Исаак Вольфович в свою очередь отнес Утесову, сидевшему в первом ряду. Утесов не мог сдержаться от нахлынувшего смеха, он быстро пошел к выходу. Позже Исаак Вольфович, да и все остальные участники этой «истории», узнали содержание ответа, который написал Зускин за Михоэлса: «Правоверному еврею в субботу работать не положено, тем более со шпагой. «Суббота для человека» — сказано в Писании.

Одессу, Леда, я уступаю тебе, одесситок беру себе.

Целую. Соломон.

Дружба Утесова и Михоэлса прошла через всю их жизнь. В своих воспоминаниях Анастасия Павловна пишет о том, что Михоэлс посещал концерты Утесова. Когда во время гастролей Михоэлс был свободен, он молниеносно организовывал «поход» и на обратном пути напевал особенно запавшие в сердце мелодии...

В 1978 году в Центральном Доме работников искусств состоялся вечер, посвященный 75-летию основоположника этого заведения Б. М. Филиппова. Если цвет театральной Москвы когда-то собирался вместе, то это было в тот день.

Л. О. Утесов на юбилее выступал дважды. В перерыве я прохаживался в фойе с Анастасией Павловной Потоцкой. В центре стоял Л. О. Утесов и что-то рассказывал собравшимся вокруг него Б. Полевому, Е. Симонову, Ю. Завадскому, И. Козловскому. Заметив Анастасию Павловну, он быстрым шагом подошел, скорее подбежал к ней и сказал: «Как давно я не видел вас, графиня Потоцкая-Михоэлс! Я хочу подарить Вам недавно выпущенный альбом моих песен. Там есть и «Дядя Эля», которую мы с Соломоном Михайловичем вместе пели, гуляя по Дерibasовской. И Утесов напел:

А когда наш дядя Эля
в сердце чувствовал веселье,
в сердце чувствовал веселье
дядя Эля!

Подходил к заветной стойке,
Выпивал стакан настойки.

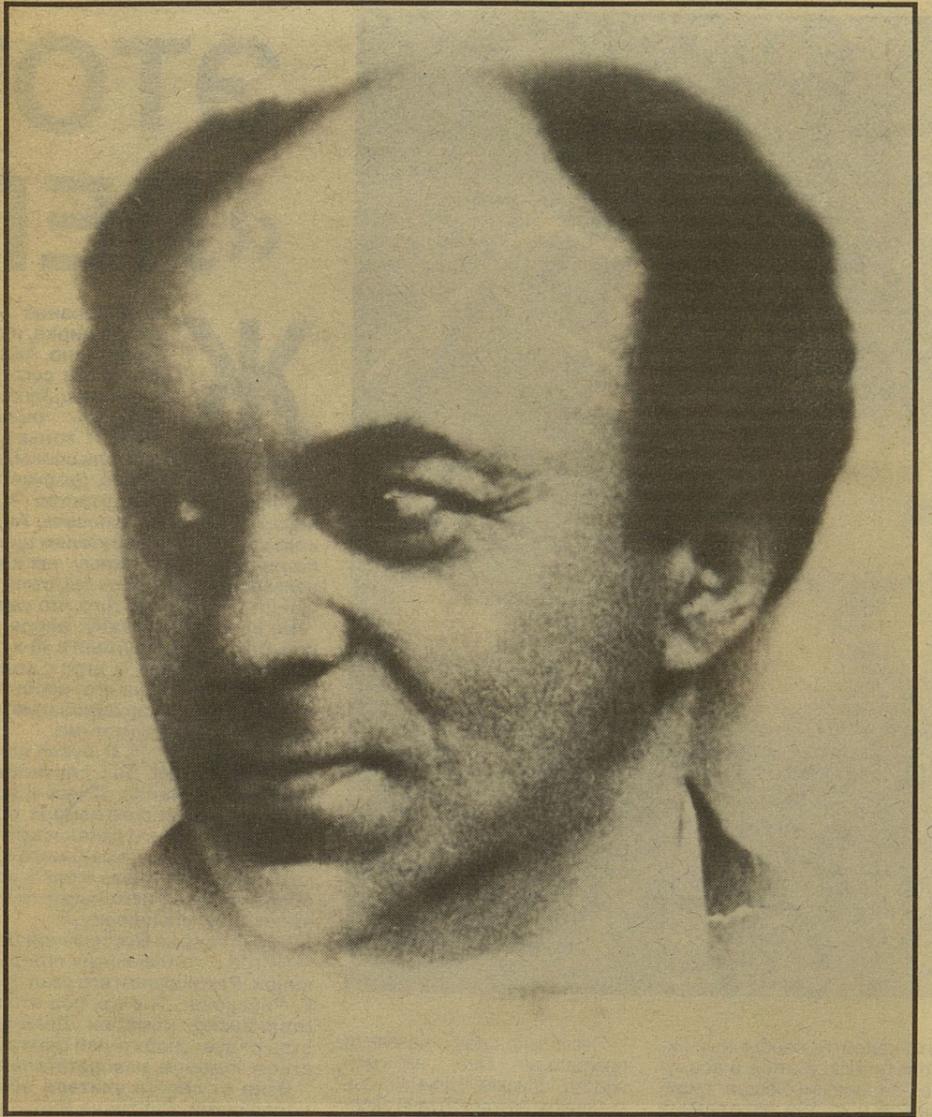
И тогда к себе позвал он скрипачей!»

Вокруг Л. О. Утесова и А. П. Потоцкой собралось много людей.

— За пластинки спасибо, дорогой Леонид Осипович, но мне очень хочется получить в подарок вашу книгу «Спасибо, сердце!».

— Дорогая Анастасия Павловна, моя книга оканчивается главой «Продолжение следует...». Так вот, перечитав ее еще раз, я понял, что в ней нет самой важной главы — о Михоэлсе, о любимом мною Соломоне Мудром. Я подарю Вам книгу с этой главой. Я знаю, Анастасия Павловна, вы храните все, что связано с Михоэлсом. Не попал ли в Ваши руки очень «важный документ» — мой вызов Михоэлсу на дуэль?

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 16 СТР.

В РОЛИ КОРОЛЯ ЛИРА

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 10-й стр.

Все собравшиеся насторожились. И тут Утесов рассказал историю этой записки. Он изображал старого одесского еврея, который передал ему это «послание», очень живо рассказывал об Одессе 30-х годов...

Третий звонок всех созывал в зал, но уйти от Утесова было невозможно. Кажется, Р. Я. Плятт предложил Утесову обо всем этом рассказать со сцены.

— Не могу же я третий раз выступать на вечере Бориса Михайловича. Мы и так будем заседать до утра! А о Михоэлсе я еще расскажу и напишу!

И уже по пути в зал Леонид Осипович рассказал Анастасии Павловне и мне о том, как осенью 1947 года он встретил Михоэлса на Тверском бульваре (это была их последняя встреча), и Соломон Михайлович жаловался ему на отсутствие зрителей в ГОСЕТе:

— Даже на «Фрейлехс» не все билеты продаются... Не понимаю, что делается вокруг, не понимаю людей. Поэтому так часто хожу в зоопарк. Многие дикие животные стали размножаться в неволе, а вот наши предки — обезьяны — по имеющимся у зрителя Федя данным, еще ни разу этого не делали в зоопарке! Не только в Москве, но и во всем мире.

И вообще, наши предки были умнее нас, если в очень трудные для них времена средневековья, когда костры инквизиции, казалось, могли окончательно выжечь из сознания замечательные древние заветы, они не тешили себя мыслью, как им «легко на сердце от песни веселой», а принуждаемые тиранами переходить в другую веру, формально принимали ее (становились моранами) и ночами в тайниках молили Бога о прощении этого страшного, но вынужденного греха. А Судный день начи-

нался с трагическо-торжественной мелодии «Кол-Нидре» — молитвы о прощении грехов и невыполненных обетов...

Соломон Михайлович на мгновение замолчал, задумался, а потом сказал: «А сейчас я работаю над ролью Реубейни.

Он подробно рассказал мне о своем герое, которого многие в эпоху средневековья считали лжепророком, а Михоэлс полюбил Реубейни, поднявшего свой народ в XVI веке на борьбу за свободу. Реубейни был отчаянным в своих деяниях, потому что на другом языке с волками, преследующими его народ, он разговаривать не мог. Как жаль, что Соломон Михайлович не сыграл Реубейни... И еще, помню, сказал он мне, прощаясь:

— Наши предки были умнее нас, если много веков тому назад были уверены в том, что «все воздастся».

Прощаясь с Анастасией Павловной, Леонид Осипович Утесов печально улыбнулся и сказал: «Теперь Вы поняли, что книга моя не окончена — продолжение следует».

Матвей ГЕЙЗЕР.

С КОЗЛОВСКИМ

С. МИХОЭЛС и В. ЗУСКИН

советский
Ш И Р К

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 125319, ул. Черняховского, д. 5, корп. 2.
Телефон 151-12-67 (для справок).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА «СЦ» ОБЯЗАТЕЛЬНА